

С О О Б Щ Е Н И Я И З А М Е Т К И

О ДИАЛЕКТНОЙ ОСНОВЕ УЗБЕКСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

1

Наиболее сложными, но интересными в лингвистическом отношении и важными при решении актуальных вопросов современного литературного узбекского языка являются городские говоры ташкентского и ферганского типов. Рассматривая появление узбекских городских говоров в связи с историческими судьбами их носителей, можно установить и общие тенденции и этапы их развития, связи с близкородственными тюркскими языками, оставшими значительные следы в отдельных говорах. При этом нельзя не признать и наличия иноязычного элемента, доля участия которого в формировании различных говоров узбекского языка далеко не одинакова.

Сумма исторических данных, подкрепленная соответствующей лингвистической аргументацией, позволяет, таким образом, говорить о двух факторах, которые оказались решающими при выяснении вопроса о происхождении узбекского народа и которые, в свою очередь, предопределили появление имеющегося многообразия диалектов узбекского языка. Мы имеем в виду: 1) взаимодействие различных тюркских родо-племенных групп, в разное время мигрировавших на территорию современного нам Узбекистана; 2) участие в этногенетическом процессе иноязычных, главным образом согдийских и ирано-таджикских, этнических элементов.

Появление карлуков на данной территории относится к VIII в. Они столкнулись на Сыр-Дарье с арабами, к тому времени уже утвердившимися в Мавераннахре. Карлуки VIII в. только частью задержались здесь — основная масса их ушла дальше, однако нет сомнений в том, что их пребывание не было бесследным. Так, титул их предводителя Ябгу//Джабгу сохранился в названиях некоторых населенных пунктов. Арабские географы в перечне селений Шашской области — одной из культурнейших областей Мавераннахра — упоминают селение Джабгугет (Джабгу // Ябгу), где были сосредоточены военные тюркские силы Шаха.

Арабские географы относят к X в. интенсивный приток в Шаш и другие места Мавераннахра кыпчаков и огузов. Отмечаемые ими огузские племена, осевшие к западу и юго-западу от современного Чимкента, продолжают до сих пор сохранять типично огузские черты языка, что совершенно отчетливо вскрывается путем применения сравнительно-исторического метода. Не менее определенно выявляются и кыпчакские элементы в различных их комбинациях.

В историко-лингвистическом отношении наиболее важную роль сыграл промежуток времени между IX и XIV в. Мощный приток тюркоязычных племен в караханидскую эпоху значительно изменил соотношение тюркских и нетюркских языковых элементов в Мавераннахре и предопределил более сложное языковое взаимодействие. Караханидские завоеватели во владениях саманидов застали представителей различных тюркских родо-племенных групп. Среди них были родовые группы, этническое связки которых с ведущим звеном караханидов не подлежат сомнению. Это обстоятельство способствовало успешному продвижению караханидов, в сравнительно короткое время захвативших власть в свои руки во всем Мавераннахре.

Караханидское государство не представляло собой монолитной единицы ни в языковом, ни в этническом отношении. Это был конгломерат тюркских племен, временно объединенных в сравнительно непрочный военно-административный союз. При караханидах заметное развитие получило городское строительство — города росли в связи с переходом к оседлой жизни представителей тюркских родо-племенных групп. Развивались различные кустарные производства. В городах кипела оживленная торговля горожан с жителями сельских местностей. Не менее оживленная торговля велась с кочевой степью, доставлявшей городам продукты животноводства.

Все это способствовало расширению языкового общения и привело к формированию элементов городской речи, в известной степени впитавшей в себя языковые черты отдельных тюркских родо-племенных групп, представители которых осели в городах. Именно здесь — в городах караханидской эпохи — следует искать зачатки образования модифицированной тюркской городской речи, уже тогда служившей средством об-

щения горожан не только между собой, но и с представителями кочевой степи. Процесс расширения языковых связей между городом и сельским населением удачно был подмечен Махмудом Кашгарским.

Махмуд Кашгарский отмечал, что самым чистым тюркским языком говорят те племена, которые не знают другого языка и не привыкли к посещению городов. К ним он относит киргизов, огузов, тухси, ягма, чигиль (джигиль), экрак и джарук. К племенам, знающим два языка и посещающим города (в связи с чем в язык их «проникло смягчение»), он относит следующие: сугдак, кенджак и аргу (сугдак — согдийцы, население Согдианы, кенджак и аргу — жители Восточного Туркестана). Свидетельство Махмуда Кашгарского интересно для нас в двух отношениях.

Во-первых, автор «Дивана», довольно тонко подмечавший особенности тюркской речи, перечисляет все племена, сохранившие чистоту этой речи. Отметим кстати, что значительная часть перечисленных им племен составляла ведущее звено караханидов. Первые правители этой династии были из племени ягма и носили титул богра-хан. Главная роль принадлежала карлукам и племени джигиль (чигиль), которые, находясь в тесном языковом контакте с населением Ферганы, оказали сильное ассимилирующее воздействие на ее население. Не менее важная роль в караханидском союзе принадлежала и уйгурам.

Во-вторых, Махмуд Кашгарский определенно указывает на наличие двуязычия и говорит о проникновении в язык племен, посещающих города, «смягчения». Проникновение в язык «смягчения», отмеченное Махмудом Кашгарским, позволяет говорить о зачатках утраты типично тюркской фонетической черты — сингармонизма, прежде всего в его лингвально-сингармонистической части, предполагающей наличие контрастирующих пар в системе словообразовательных и словоизменительных формантов. Едва ли есть необходимость доказывать, что наличие «задних» вариантов аффиксов является характерной принадлежностью тюркских языков, а проникновение в язык «смягчения» предполагает разрушение именно палатальной аттракции. Это — общеизвестный факт, не нуждающийся в особой аргументации. Но совершенно естественно предположить, что тюркская часть городского населения говорила на языке с нарушенным сингармонизмом, в отличие от сингармонистических языков, как, например, киргизского, кыпчакского, о которых говорит Махмуд Кашгарский и которые до сих пор продолжают последовательно сохранять лингвально-сингармонистические чередования в виде наличия контрастирующих пар в системе морфологических показателей.

Анализ фактического материала по говорам узбекского языка позволяет нам установить последовательность утраты сингармонизма, начавшейся, несомненно, в ряду гласных верхнего подъема в результате конвергенции *и* и *ы* в одной индифферентной фонеме *э*. Наиболее показательным в этом отношении является андижанский говор, в котором имеется гласная фонема *э*, восходящая к *и* и *ы*, при сохранении контрастирующих пар в ряду гласных верхне-среднего и нижнего подъема. Примером этого может служить и вокализм современного уйгурского языка.

Зачатки фонетической эволюции, приводившей к постепенному (в известной последовательности) разрушению сингармонизма, следует искать в конкретных исторических условиях формирования и развития языков. Несомненно, что начало процесса относится к тому периоду, когда диалектные различия между отдельными языковыми группами (узбекской и уйгурской) были выражены менее резко в силу одинаковых условий их формирования и сохранения ими на протяжении веков значительной близости.

Совпадение *и* и *ы* в одной фонеме в узбекских говорах не может рассматриваться как результат *и* *о* *э* *д* *и* *е* *й* *ш* *г* *о* переосмысления тюркского (узбекского) вокализма на таджикской артикуляционной базе, хотя отрицать участие в широких масштабах таджикских элементов в формировании отдельных узбекских говоров, конечно, нельзя. Вместе с тем и относить все изменения, происшедшие в процессе историко-фонетической эволюции узбекского языка, за счет приводящих факторов позднейшего порядка также мало убедительно.

Столкновение двух языковых стихий — тюркской и нетюркской — происходило не только на территории Мавераннахра, но и на Востоке, где взаимодействие этих элементов проявилось в значительной степени. Не случайно, видимо, и указание Махмуда Кашгарского на то, что «смягчение» наблюдается и в языке кенджак, т. е. в языке жителей Восточного Туркестана. Но тюркские правители завоеванных областей с иноязычным субстратом оставались тюрками по языку, сохраняли тюркские имена и титулы¹. Имели иноязычные связи и тюркские родо-племенные группы, входившие в качестве главной составной части в караханидский союз, на что косвенные указания мы находим у Рашид-ад-дина².

¹ См. В. В. Бартольд, Мир-Али-Шир и политическая жизнь, сб. «Мир-Али-Шир», Л., 1928, стр. 104.

² См. Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. I, кн. I, М.—Л., 1952, стр. 151. Точка зрения, высказанная в журнале «Советская этнография»

Последующая эпоха в истории узбекского народа — эпоха господства в Мавераннахре монгольской династии Чагатай — не оказала существенного влияния на ту языковую общность, которая сложилась задолго до прихода монголов в Мавераннахр. Контакт монгольских племен с предками современных нам узбеков привел к незначительному увеличению монголоидных признаков и к оседанию в узбекском языке ряда монгольских лексических элементов, закреплению родо-племенных наименований в местах оседания монгольских племен, которое, кстати сказать, происходило главным образом в сельских местностях, среди кочевых и полукочевых племен, и не коснулось городского населения, к тому времени уже утратившего, в силу самой специфики городской жизни, родо-племенные подразделения. Поэтому термины «чагатайские говоры» применительно к узбекским говорам городского типа и «чагатайский язык» применительно к староузбекскому языку не могут быть сохранены, несмотря даже на их условное употребление.

Языковой контакт тюркской и нетюркской (на начальных ступенях еще согдийской) языковых систем не привел к образованию нового языка, принципиально отличного по своим качествам от компонентов, вступивших во взаимодействие; не произошло этого и позднее, когда тюркская языковая общность длительное время сосуществовала с таджикским языком. Не происходит этого и сейчас в результате взаимодействия узбекской и таджикской языковых систем, продолжающих существовать бок о бок и совершенствоваться каждая по внутренним законам своего развития.

Длительное и систематическое общение тюркских и нетюркских (в данном случае иранских) народов приводит либо к полной победе одной языковой общности, как это имело место в самаркандско-бухарско-ходжендской группе говоров узбекского языка, либо к частичному внедрению элементов одной языковой общности в другую, как это прослеживается в ташкентско-ферганской группе городских говоров, которые имеют наиболее древние генетические связи с карлукско-уйгурской языковой общностью.

Итак, ташкентский и ферганский типы узбекских говоров (в широком смысле), некогда выделившиеся из языковой общности карахавидского периода и в модифицированном виде дошедшие до нас, продолжают быть определяющими и заслуживают двустороннего изучения в сравнительно-историческом плане. По линии языкового преемства они находятся в генетическом родстве с уйгурским языком, составляя вместе с ним одну восточно-тюркеставскую линию развития. В этом убеждают нас не только лингвистические данные. В новейших исследованиях антропологов подчеркивается несомненное участие уйгуров в этногенезе узбекского народа в качестве одного из существенных антропологических слагаемых¹.

Карлуко-чигиле-уйгурская языковая общность, впитавшая в себя часть огузских и кыпчакских элементов, явилась языковой подпочвой в истории становления основной массы узбекских говоров йекающего наречия². Известную роль сыграли и иноязычные элементы, растворившиеся в этой языковой общности, оставив отпечаток и в языке, и в антропологическом типе.

2

К говорам, восходящим к карлуко-чигиле-уйгурской языковой общности, относятся ташкентский, анджанский, валанганский, маргеланский, кокандский и другие городские говоры с территориально смежными и тяготеющими к ним сельскими говорами, кроме, разумеется, кыпчакских и огузских. В отношении сохранения специфических языковых черт валанганский говор занимает промежуточное положение между ташкентско-ферганским (например, анджанским) типом и уйгурским языком. Ряд признаков свидетельствует, что в тюркской основе самаркандско-бухарских говоров лежит языковой элемент, также восходящий к данной группе; это позволяет говорить о генетической близости друг к другу всех перечисленных выше говоров.

Генетическое родство в смысле сохранения языкового преемства в ташкентско-фергано-валанганской группе говоров прослеживается и в фонетике, и в морфологии, и в лексике. Одни признаки оказываются общими для всей группы в целом, а другие отмечаются только в отдельных говорах. Укажем на некоторые из них.

1. Постепенная утрата сингармонизма в его лингвально-сингармонистической части, о чем было упомянуто выше. Эта фонетическая черта свойственна всем перечис-

(1936, № 2, стр. 55) в отношении наименования Арслан-хана карлукского «сартактаем», неубедительна. Ср. В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 80—81.

¹ См. Л. В. Ошанин, К проблеме этногенеза уйгуров..., в кн.: Л. В. Ошанин и В. П. Зезевкова, Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии, Ташкент, 1953.

² Ср. Н. А. Баскаков, К вопросу о классификации тюркских языков, ИАН ОЛЯ, 1952, вып. 2, стр. 128—130.

ленным говорам и уйгурскому языку в отличие от кыпчакских и огузских, сохраняющих контрастирующие пары *ы* и *и* в качестве принципиально-отличных фонем, нагруженных словоразличительными функциями.

В указанных говорах морфологические показатели с негубным гласным верхнего подъема имеют только один фонетический вариант, присоединяемый и к «передним», и к «задним» основам, например: ташк., анд., нам., кок. *эчкэ* «внутренний» и *кычкэ* «зимний»¹.

Следовательно, верхний подъем представлен не четырьмя — *и*, *ы*, *й*, *у* (как в кыпчакских, огузских говорах узбекского языка и сингармонистических тюркских языках — туркменском, казахском, киргизском, каракалпакском), а только тремя качественно отличными и количественно недифференцируемыми гласными фонемами — *э*, *й*, *у*. Сказанное относится к андижанскому и намаганскому говорам и не распространяется на ташкентский тип, в котором процесс утраты сингармонизма пошел дальше и распространился на губные не только верхнего, но и верхне-среднего подъема. Губные гласные собственно переднего ряда встречаются только спорадически на правах комбинаторно-позиционных вариантов.

2. Типично тюркское заднерядное *а* в уйгурском языке и в намаганском говоре дало *а* > *ä* > *э*, в ташк., анд., марг. — *ä* < *а* > *ä*. Например: уйг. *адәм* < *адам* // ташк., нам., анд. марг., кок. *адәм* «человек»; уйг. *қарар* / *қарал* < *қарар* // ташк. *қарар*, анд. *қарар* «постановление»; уйг. *бальқ* // *бальқ* < *бальқ* < *бальқ* / нам. *бальқ* // *бальқ* > *бальқ* // ташк., анд., марг. *бальқ* «рыба»; уйг. *кәсәл* < *кәсәл* // ташк., марг., анд., кок. *кәсәл* «больной».

Дивергенция *ä* < *а* > *ä* и появляющаяся в связи с этим оканье на начальных этапах своего развития позиционно обусловлены, в чем убеждают нас примеры из многочисленных узбекских говоров, в том числе и из кыпчакских. Возникает оканье в различных позиционных условиях. Наиболее характерной позицией *ä* > *ä* является положение *а* в непосредственном или смежном соседстве с билабиальным *в*. Например, ферг. *сәвәз* > *сәвәз* «морковь», *бәрәдәк* < *бәрәдәк* «чей-то»; паркент. *лаб* > *лаб*, где мы находим довольно сильно лабиализованное *ä*, дающее рефлекс открытого *э*. Значительное количество примеров на *а* > *ä* в рассматриваемой нами позиции мы находим в южнохорезмских говорах. Но в данном случае нас интересует не вопрос территориального распространения *ä* по говорам узбекского языка, а сам факт появления *ä* в определенных позиционных условиях и постепенное закрепление оканья. Наглядным примером *а* > *ä* служит форма *барсамыз* в ташкентском звуковом оформлении: *бәрсамыз* > *бәрсәвүз* > *бәрсәүз* «если мы пойдем».

Переход *м* > *в* в данном (и в подобных ему примерах) вполне обычен. Вторичное *в* < *м* привело к качественному перерождению типично тюркского *а*, перешедшего в *ä* в непосредственном соседстве с *в*. Дальнейшее развитие этой формы привело к падению *в*, но качество *ä*, возникшего из *а*, не изменилось. Параллельно может служить такой пример из кыпчакских говоров узбекского языка: *кәләйтәр* > *кәләйтәр* > *кәләйтәр* > *кәләйтәр* «он в данный момент идет».

Развитие *а* > *о* > *ä* в позиционной смежности с *в* (а также с *п*, *б*, *м*) наиболее наглядно прослеживается в уйгурском языке, находящемся, как отмечено выше, в генетическом родстве с рассматриваемой нами группой узбекских говоров (уйг. *бава* > *бова* < *баба* // ташк. *бовә* «дедушка»; уйг. *новәт* > *новәт* < *навбат* // ташк. *нәвбәт* > спорадически *новәт* «очередь»). Сюда же примыкают и случаи из уйгурского языка типа *топан* > *топонг* < *тапан* // ташк. *тәпән* «пятка»). Богатый иллюстративный материал из уйгурского языка позволяет гораздо шире и глубже проследить развитие *ä* < *а*, однако это специальная задача, решение которой невозможно в пределах данной статьи, касающейся общих, а не отдельных частных вопросов историко-фонетической эволюции. Для нас важен факт появления оканья в одинаковых позиционных условиях как в узбекских говорах, так и в уйгурском языке, что, конечно, не может быть случайным в истории их развития. Пока ограничимся перечислением наиболее характерных случаев, сохранив за собой право специально выступить по этому вопросу.

В уйгурских говорах (например, в кашгарском) переход *а* > *о* прослеживается не только в позиционной смежности с *в* (resp. *п*, *б*, *м*). Значительное количество примеров на *а* > *о* обнаруживаем среди двухсложных слов, во втором слове которых имеется губной *у*: уйг. *хотун* / *хутун* < *хатун* // ташк. *хәтән* / самарк. *хотун* «женщина»; уйг. *совун* / *сопун* / *согун* < *савун* // ташк. *сәвүн* «мыло». В примере *хотун* > *хутун* < *хатун* наблюдается: а) антиципация *а* > *о* и б) полная регрессив-

¹ В статье приняты следующие сокращения языков, диалектов и говоров: ташк. — ташкентский, анд. — андижанский, нам. — намаганский, кок. — кокандский, уйг. — уйгурский, марг. — маргеланский, ферг. — ферганский, паркент. — паркентский, карабул. — карабулакский, кыпчак. — кыпчакский, джек. — джекающий, самарк. — самаркандский, кашг. — кашгарский, уйчин. — уйчинский.

ная ассимиляция. В фонетическом отношении не лишены интереса и случаи типа: ташк., наманг. *жувап* < *жаваб* «ответ», *сувап* < *савал* «вопрос».

Падение согласных и появление в связи с этим вторичных долгот также приводит к переходу *a* > *o*: уйг. *со:да* < *савда* «торговля», наманг. *бд:* «есть, имеется»; ср. в карабуд. *то:қ / тауқ* < *тавуқ* «курица»; *со:қ* < *савуқ* «холодно, холодный»; *қо:п* < *қауп* < *қабып* «укусив»; *то:п* < *тауп* < *табып* «найдя»¹.

Таким образом, есть основания предполагать, что оканье появилось также в результате развития *a* > *o*, о чем свидетельствуют примеры из уйгурского языка, в которых мы находим чередование *a* / *o* и *ä* / *ö*. Ташкентский же тип *ä* оказался возможным благодаря сокращению губной артикуляции при *o*.

a > *ä* в узбекских говорах может возникнуть в непосредственном соседстве с глубокозаднеязычными согласными: ташк. *қайқ* < *қақ* // уйг. *қақ* «сухой» (*алма қеқ* «сушеные яблоки»); ташк. *тәрйқ* «расческа», *сәйнйқ* «счет». Ср. кыпчак- (джек.) *қылған* > *қылған* «он сделал»; *қатын* > *қатын* «женщина». В ташкентском говоре находим регулярное *ä* в аффиксах *-майқ* и *-райқ*: *келмайқ* «приходить», *äлмайқ* «брат», *кйттәрйқ* «больше», *йәхшйрйқ* «лучше» (см. ниже, п. 4).

Ташкентское оканье представляет значительный интерес для теоретического и практического узбекского языковедения в отличие от оканья в самаркандско-бухарских говорах, появление и характер которого вполне очевидны в силу самой специфики происхождения этих говоров. Свообразное распространение *ä* и *ö* в различных словарных позициях в ташкентском говоре дает основание определить перспективу развития фонемы *ä* и наличие факторов внутриязыкового порядка, приведших к зарождению оканья, как в татарском и башкирском языках².

Заслуживает быть отмеченным чередование *ä* / *ö* в таких словах ташкентского говора: а) *сән* «число» ~ *сәнä* «считай», *тәш* «камень» ~ *тәшä* «бросай»; б) *вәғ* «ворона» ~ *вәғä* «галка», *кәр* «дело» ~ *кәрäндө* «издольщик». Попутно заметим, что едва ли возможно сколько-нибудь убедительное объяснение причин появления чередования *ä* / *ö* в андижанском говоре в примерах *äт / äт* «лошадь» («его лошадь»), если не усмотреть здесь отголоска действия umlaut'a, характерного для уйгурского языка [ср., например, *ат / әт* «лошадь» («его лошадь»)] и прослеживаемого в наманганском говоре.

Данные, подтверждающие мысль о том, что вопрос о возникновении оканья и дальнейшем его развитии в узбекских говорах оказывается более сложным, чем это предполагалось до сих пор, мы находим в одном самоучителе «сартовского» языка, отражавшего ташкентские произносительные нормы второй половины XIX в.³ Ср. такие примеры: *самавор* (стр. 42, 43) < русск. *самовар*, *кавон* (стр. 18) < русск. *кабан*, *капкогы* (стр. 42) «крышка», *кара* (стр. 42) и *каро* (стр. 95) «черный», *булодур* (стр. 67) «будет», *кылтурдулар* (стр. 42) «принесут», *туродур* (стр. 3, 64, 15) и *турадур* (стр. 6, 8) «стоят», *курок* (стр. 57) «лопата», *вакт* (стр. 56, 243) и *вокт* (стр. 56) «время», *мой* (стр. 57) < русск. *май*, *толуз* *булодурму* (стр. 57) «можн ли найти?», *курсотинь* (стр. 66) «покажите», *сатмоқликка ярәмйдур* (стр. 99) «для продажи не годится», *сурагон* (стр. 243) «он спросил, спрашивавший» и т. п.

Анализ фактического материала убеждает нас в том, что дивергенция фонемы *a* (*ä* < *a* > *ä*), как и конвергенция *yi* и *i* в фонеме *э*, в затронутых нами узбекских говорах и в уйгурском языке представляет собою один из этапов историко-фонетической эволюции вокализма, подлинная природа которой может быть вскрыта путем тщательного изучения фонетических систем узбекского и уйгурского языков в историческом аспекте.

3. Делабиялизация *y* > *э*, прослеживаемая в ташкентском, маргеланском, кокандском, андижанском говорах, отсутствует в уйгурском языке, где мы находим регулярное *y*, например: уйг. *хотун* / *хутун* < *хатун* // ташк., анд., марг. *хәтүн* // самарк. *хәтүн* «женщина».

Совпадение уйгурской формы *хотун* и самаркандской *хәтүн* не является случайным в силу обстоятельств, указанных выше, однако причины устойчивости является не одинаковы: отсутствие перехода *y* > *э* в самаркандском говоре объясняется действием таджикского вокализма, а в *хотун* / *хутун* уйгурского языка наличествуют факторы, являющиеся характерной его особенностью. Ср. еще сохранение губного гласного *y* в 3-м лице настоящего-будущего времени: уйг. *алды* // самарк. *ладу* «он возьмет», уйг. *турьду* // самарк. *тураду* «он стоит».

¹ См. К. К. Юдахин, Некоторые особенности карабулакского говора, сб. «В. В. Бартольд...», Ташкент, 1927, стр. 406.

² См.: Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, М.—Л., 1948, стр. 8—9; В. А. Богородицкий, Введение в татарское языковедение в связи с другими тюркскими языками, Казань, 1933, стр. 98.

³ См. «Фразы на сартовском языке с русским переводом и транскрипцией», составил З. А. Алексеев, Ташкент, 1884. В примерах сохраняем транскрипцию автора (в тексте в скобках указываем страницы).

Делабализация $y > ь$ в ташкентском говоре в именных основах рассматриваемого типа и в глагольных аффиксах произошла сравнительно недавно. Подтверждение этому мы находим в указанном самоучителе «сартовского» языка. Ср., например, *хатун* (стр. 268, 269), *тимур* (стр. 8, 322) // уйг. *тáму*; *алтун* (стр. 171) // уйг. *алтун > олтун*, *сабун* (стр. 3), *штук* (стр. 7).

Общий делабализационный процесс в современных узбекских говорах тапкентского типа прослеживается гораздо шире: переход $y > ь$ осуществляется не только в словах приведенного типа, но и в словах типа *кумур* (стр. 42), *утун* (стр. 44) > *комър* «уголь», *отън* «дрова», в первых слогах которых имеется губной o в интактной форме. Между тем, судя по данным цитированного нами самоучителя, губной сингармонизм распространялся не только на основы, но и на аффиксы, причем явно преобладали морфологические показатели с губными гласными, чего уже нет в современных узбекских говорах городского типа. Например: *бостурма* (стр. 37) «навес», *калубдур* (стр. 13) «он остался», *булбдур* (стр. 43) «он был», *алуб* (стр. 67) «взять», *арайдургонъ* (стр. 9) «годящийся», *атъ саладургонъ шиша* (стр. 3) «флакон, в который наливают духи».

Преимущественно с губным гласным употреблялись: а) вопросительная частица *му*: *борму* (стр. 19, 48, 49) «есть ли?», *бормукин* (стр. 13) «есть ли?», *юкмукин* (стр. 75) «нет ли?», *биролмэйсэнму* (стр. 91) «не сможешь ли ты дать?»; б) дееспричастие совершенного вида на *-уб*: *боруб* (стр. 37) «пойдя», *топуб* (стр. 145) «найдя»; в) форма 1-го лица ед. числа прошедшего определенного: *сотыболдум* (стр. 96) «я купил», *соттум* (стр. 96) «я продал», *атдум* (стр. 228) «я выстрелил»; форма 1-го лица мн. числа в ташкентском говоре: *бáрдук* «мы ходили», *áлдук* «мы взяли». Ср. в уйгурском языке *алдук* при *алдым*; г) пожелательная форма *-сун*: *рухсат бирсун* (стр. 311) «пусть разрешит», *юрсун* (стр. 310) «пусть идет». Количество аналогичных примеров можно приумножить, но в этом мы не видим сейчас прямой необходимости.

4. Чередование $ч/ш$: ташк., марг., анд., наманг. *тъш/чъш* «зуб»; ташк. $ч(ь)$, *шла* // уйг. (кашг.) $ч(ь)шле$: «зубы», ташк. *туштё/чуштё > чъштё* // уйг. *чъштё* «он сошел».

5. Сохранение в основах и аффиксах ауслатных $к \sim к/ғ \sim г$ в отличие от кыпчакских и огузских говоров, в которых этим исходным согласным соответствует ноль. Например: уйг. *тáръғ/тáръғ* «просо», *сáръғ* «желтый», *уруғ* «род; семена»; *áчығ* «открытый»; ташк. *қаттығ* «твердый», *тарағ* «гребенка», *ортáғ* «товариш», *къшла:алғ* *áйám* «сельский житель», *кáсáллáғ* «болезнь»; наманг. *йоқ/йоғ* «нет», *терг* «живой», *бáлáғ* «другой, иной», *бър кўллáғ* «однодневный», *бьлáғ* «рыба».

Конечные $ғ/к$ прослеживаются и в местоимениях: уйг. *қандағ/қандақ*, *андағ/андақ*, *шундағ/шундақ*, *бундақ/бундағ*. Ср. ташк. *қандағ* (стр. 323), *шундағ* (стр. 310).

Сохранение исходного $ғ$ находим в памятниках древнетюркской письменности¹ — в орхонских надписях, в «Кутадгу билиг», в «Диване» Махмуда Кашгарского. По поводу оглушения $ғ$ в данной позиции и перехода его в $к$ высказывалось предположение, что эта фонетическая черта, т. е. $ғ > к$, могла принадлежать одному из старых диалектов, возможно, что она являлась характерным фонетическим признаком карлукского диалекта.

6. Чередование $к/х$ в различных позициях: уйг. *тақта/тахта* «доска», *тоқта/тохта* «стой», *тоқсан/тохсан* «девятьноста»; *чъқтуқ/чъхтуқ* «мы вышли», *бақтуқ/бахтуқ* «мы смотрели»; наманг. *халхъ* «чъдá» «в народе», *кърх/кърқ* «сорок», *вахт/вақт* «время».

7. Чередование $л/н$: уйг. *кóйнáк/кóйнáк/кóллáк/кóнелáк* // ташк. *койнáк/койлáк* «рубахы».

8. Полная прогрессивная ассимиляция: ташк. *тузъ < тузън* «соль», *áишъ < áишън* «плов», *темърръ < темърнь* «железо»; наманг. *қушъ < қушън* «птицу», *áппъ < áппън* «разговор», *тáишъ < тáишън* «камень».

9. Существенной фонетической чертой уйгурского языка является наличие так называемого *umlaut'a*, состоящего в том, что гласные нижнего подъема $a/\á$ первых слогов под влиянием гласного верхнего подъема e второго слога переходят в звук, близкий по артикуляции к e , но не тождественный ему. Ср., например, *ат* «лошадь» > *еть* «его лошадь». Эта специфическая особенность уйгурского языка отсутствует в ташкентском, маргеланском, андижанском говорах, но прослеживается в наманганском.

10. Наманганский говор и уйгурский язык характеризуются падением звуков и наличием стяженных форм, что наблюдается и в ташкентском, но выражено там менее резко. Ср., например, ташк., наманг. *áйáмlá* «люди», *келдэ́лэ́* «они пришли».

¹ См. С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951.

бъй > *бэй* «мы», *сълй* > *слй* «вы»; ташк. *бърүвдәм* > *бърү:дәм* < *бърпн едәм* (наманг. *бйру: дэм* «я ходил»).

11. Все эти говоры — ташкентский, намаганский, андижанский, маргеланский, кокандский — в системе именного словоизменения имеют один притяжательно-винительный падеж с аффиксом *-нъ* (и фонетическими его вариантами), совмещающий в себе функции и притяжательного, и винительного падежей. По наличию фонетических вариантов аффикса указанного падежа говоры могут быть разделены на две подгруппы:

а) говоры, допускающие полную прогрессивную ассимиляцию начального согласного аффикса *-нъ* исходному согласному основы (кроме, разумеется, основ, оканчивающихся на гласный, при которых сохраняется аффикс *-нъ*). Сюда относятся ташкентский и намаганский с тяготеющими к ним сельскими говорами. Например, ташк. *тузъ* < *туанъ* «соль», *тәмнъ* < *тәмнъ* «крышу», *гәйнъ* < *гәйнъ* «разговор», наманг. *әттъ* < *әтнъ* «лошадь», *тәллъ* < *тәллъ* «табачник». Ср. вин. падеж: ташк., наманг. *әттъ сәттъ* «продал лошадь»; притяж. падеж: *әттъ бәйнъ* «голова лошади»;

б) говоры, характеризующиеся наличием чередования *-н/-д/-т* в аффиксе притяжательно-винительного падежа, зависящего от исходного согласного основы. К ним относятся андижанско-маргелано-кокандская подгруппа, примыкающая по данному признаку (чередованию аффиксальных *-н/-д/-т*) к кыпчацким говорам узбекского языка. Ср., например, анд., марг., кок. *әтәснъ кәрдъ* «видел его отца», *әйтъ мәзәсъ* «вкус плова», *тәлдъ кестъ* «срезал табачник».

12. Вся рассматриваемая нами группа говоров имеет два морфологических показателя в форме настоящего времени данного момента:

а) формант *-әт* и фонетические его варианты: *-әт*, *-ут*; *-әт* — аффикс ташкентской формы и говоров некоторых окрестных селений (например, Паркента и др.), *-әт* — уйчирский вариант, *-ут* — намаганский, например, ташк. *бәрәйтмән* > *бәрәйтмән* «я (в данный момент) иду» и т. д.; наманг. *қәлуитъмән* «я (в данный момент) делаю» и т. д.; уйгурск. *қәләватъмән* «я (в данный момент) делаю» и т. д.

Генетическая общность этих форм совершенно очевидна. Ташкентская и намаганская формы представляют собою дальнейшее фонетическое развитие формы *қәләватъман*. Убеждают нас в этом промежуточные варианты, существующие в различных говорах Ташкентской и Наманганской областей. Например, в паркентском говоре Ташкентской области находим *қәләәттәм* и *қәләәттәмән*, выступающие на равных правах и с единой семантикой.

Таким образом, намаганский формант *-ут* восходит к аффиксу *-ват*, видоизменившемуся в силу действующих в данном говоре фонетических законов. Процесс эволюции шел в направлении *-ват* > *-вот* > *-от* > *-ут*, чему подтверждением служит намаганский промежуточный фонетический вариант *қәлоттъ*, сосуществующий с *қәлуиттъ* как его фонетическая разновидность¹.

Развитие аффикса *-ват* проходило не только по формуле *-ват* > *-вот* > *-от* > *-ут*, как в намаганском говоре, или по линии *-ват* > *-вот* > *-әт*, как в Ташкенте и в территориально соседних с ним кыпчаках, но и в виде *-ват* > *-әт*, что отмечено в уйчирском говоре Наманганской области и объясняется действием *umlaut'a*, прослеживаемого в намаганских, а частично и в прочих говорах данного диалектного комплекса узбекского языка;

б) формант *-әпн*, который свойствен всем прочим городским говорам Ферганской долины — андижанскому, маргеланскому, кокандскому и другим, например: *қәләәпнмән* > *қәләәпнмән* «я (в данный момент) делаю» и т. д.

К ферганской парадигме (кроме, разумеется, намаганского говора) примыкает и самаркандская форма с аффиксом *-әпн*, восходящим к форманту *-әпн*, например: *қәләәпнмән* «я (в данный момент) делаю» и т. д.

Фонема *ә* в самаркандском аффиксе *-әпн* отличается значительной устойчивостью. Между тем аффиксальный гласный *ә* в ташкентском аффиксе *-әт* и *ә* в ферганском *-әпн* обладают широким диапазоном по отдельным говорам: гласный *ә* в аффиксе *-әт* может стать почти передним (ср. уйчир. *-әйт*), а передний гласный *ә* в ферганском *-әпн* значительно колеблется между типами *ә* и *ә*, особенно в изначальной форме: *кәлә йәтәр* ~ *кәлә йәтәр* ~ *кәлә йәтәр* «он (в данный момент) идет». То же наблюдаем и в кыпчацких говорах: *кәлә джәтәр* ~ *кәлә джәтәр* ~ *кәлә джәтәр* // *кәлә йәтәр* ~ *кәлә йәтәр* ~ *кәлә йәтәр*.

Устойчивость самаркандской фонемы *ә* в аффиксе *-әпн* находит свое объяснение в воздействии таджикского языка. Иной оказывается мотивировка переходов *ә* < *а* > *ә* в прочих говорах узбекского языка.

Перечень особенностей городских говоров узбекского языка можно было бы продолжить и дать дифференцировочную характеристику диалектных особенностей каждого говора в отдельности, так как каждый из них, несмотря на наличие генетически

¹ О закономерности перехода *а* > *о* > *у* см. выше.

общих черт, имеет и свои узко диалектные показатели, изучение которых позволяет проследить историю образования и развития того или иного говора. В качестве примера можно указать на ташкентскую форму 1-го лица прошедшего определенного времени *-дѣмъз* (< *-думуз*) вместо литературного *-дик*, зарегистрированную рядом письменных памятников. Ташк. *ӓдѣмъз* // литерат. *олдик* «мы взяли», *бердѣмъз* / *бердик* «мы дали», *ѣтѣмъз* / *ичдик* «мы вышли» (ср. другие ташкентские варианты: *келду*; *ӓлду*; *берду*; *ѣту*; с долгим гласным вторичной формации в исходе формы, или *келдузӓ*, *ӓлдузӓ*, *бердузӓ*, *ѣтузӓ*). В этимологическом отношении ташкентская форма *-дѣмъз* является более древней, чем форма на *-дѣк* современного литературного узбекского языка¹. Мы встречаем ее в памятнике в честь Кюль-Тегина: *сӓзӓйидимӓ* «мы говорили», *биртимиӓ* «мы дали», *итдимиӓ* «мы делали», *контуртымъз* «мы поселили»², в «Диване» Махмуда Кашгарского, у Ибн-Муханна³, в «Шейбани-намѣ» Мухаммеда Салиха.

Изучение ташкентско-ферганских говоров имеет большое теоретическое значение и при изучении истории узбекского языка, и для узбекской диалектологии. Не менее важную роль играют эти говоры и при решении актуальных вопросов прикладного узбекского языкознания, в первую очередь при решении насущных вопросов орфографии и орфоэпии.

В настоящее время мы вынуждены признать, что орфоэпические нормы литературного узбекского языка в значительной мере отражают произносительные особенности ташкентского говора. Направить развитие литературного узбекского произношения по иному пути уже нельзя, хотя и есть такие попытки со стороны отдельных лиц, насаждающих в некоторых издательствах местничество и орфографический разнобой. В качестве примера отражения ташкентского произношения в современной узбекской орфографии позволим себе сослаться на оканье.

Ташкентский тип оканья прослеживается и в отдельных словах, и в морфологических показателях.

1. В словах:

ташк. *ӓнӓр* // литерат. *анор* // анд. *ӓнӓр* «гранат (растение);
ташк. *хӓвалъ* // литерат. *хвал* // анд. *хвалъ* // самарк. *хвалъ* «двор»;
ташк. *бӓзӓр* // литерат. *бозор* // анд. *бӓзӓр* // самарк. *базӓр* «рынок»;
ташк. *сӓкӓл* // литерат. *сокол* // анд. *сӓкӓл* // самарк. *саққол* «борода»;
ташк. *бӓлӓ* // литерат. *бола* // анд., кок. *бӓлӓ* // самарк. *бӓлӓ* «ребенок»;
ташк. *шӓмӓл* ~ *шӓмӓл* // литерат. *шамол* // манг. *шӓмӓл* // анд. *шӓмӓл* // самарк. *шамол* «ветер»;
ташк. *сарӓй* // литерат. *сарой* // анд. *сӓрай* «сарай»;
ташк. *ӓт* // литерат. *от* // анд. *ӓт* ~ *ӓть* «лошадь»;
ташк. *ортӓк* ~ *ортӓк* // литерат. *урток* // анд., марг. *ортақ* // самарк. *ортӓк* «товарищ».

2. В морфологических показателях:

ташк. *бӓрмӓк* // литерат. *бормок* // анд., марг. *бӓрмақ* // самарк. *бармақ* «идти»;
ташк. *кӓлмӓк* // литерат. *килмок* // анд., марг. *кӓлмақ* // самарк. *кӓмӓк* «делать»;
ташк. *ӓзрӓк* // литерат. *озрок* // марг., анд. *ӓзрак* // самарк. *эзрӓк* «меньше»;
ташк. *йӓшизрӓк* // литерат. *яширок* // анд., марг. *йӓшизрак* «лучше».
Анализ фонетического материала убеждает нас в том, что литературный узбекский язык базируется на ферганских морфологических формах:

1) анд., марг., кок. *бӓрдӓк* // литерат. *бордик* // ташк. *бӓрдѣмъз* ~ *бӓрдузӓ* «мы ходили»;

2) анд., марг., кок. *бӓрӓмъз* // литерат. *борамиз* // ташк. *бӓрӓмъз* ~ *бӓрӓуз* ~ *бӓрӓузӓ* «мы пойдем»; анд., марг., кок. *бӓрмӓймъз* // литерат. *бормаймиз* // ташк. *бӓрмӓймъз* «мы не пойдем»;

3) анд., кок., марг. *бӓрсӓк* // литерат. *борсақ* // ташк. *барсӓмъз* ~ *бӓрсӓуз* ~ *бӓрсӓузӓ* «если мы пойдем»;

¹ Ср. W. Radloff, *Altürkische Studien*, V, «Известия Имп. Акад. наук», 1911, № 6, стр. 435.

² С. Е. Малов, *Памятники древнетюркской письменности*, М., 1951, стр. 46, «S. Транскрипция проф. С. Е. Малова.

³ См. его же, *Ибн-Муханна о турецком языке*, «Записки Коллегии Востоковедов», т. III, вып. 2, Л., 1928, стр. 223.

4) анд., марг., кок. *b̄r̄yān̄mān* > *b̄r̄yān̄p̄ān* // литерат. *боряпман* // самарк. *бэрпман* // ташк. *b̄r̄yātman* > *b̄r̄yām̄mān* // наманг. *b̄r̄rut̄m̄mān* «я (в данный момент) иду».

Нам кажется, что приведенных примеров уже достаточно для решения проблемы диалектной основы узбекского литературного языка. Между тем вокруг этого вопроса ведутся бесплодные дебаты, в которых наука совершенно не нуждается. Выводы, сделанные под давлением фактов, всегда оказываются более убедительными, чем различного рода домыслы. Несомненно, что ташкентский и ферганский городские говоры — это основа литературного узбекского языка.

В. В. Решетов

ЕЩЕ РАЗ О ДВУХ ПУТЯХ РАЗВИТИЯ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

За последние 10—15 лет в нашей науке о языке получила широкое распространение так называемая теория двух путей развития сложного предложения, наиболее четко и, кажется, впервые сформулированная в посвященной этому вопросу статье А. П. Рифтина¹. Теория эта, как известно, заключается в том, что в ходе исторического развития языка, помимо создания сложного гипотактического предложения путем объединения ряда простых («первый путь»), возможно было возникновение его в рамках простого предложения путем преобразования содержащихся в последнем оборотов с глагольными именами в придаточные предложения («второй путь»). В настоящее время эта теория излагается не только в исследовательских работах, в частности по русскому синтаксису², но и в учебной литературе³.

Между тем столь широкое использование «теории двух путей» в том виде, в каком она изложена в статье А. П. Рифтина, и особенно безоговорочное приложение ее к истории синтаксического строя индоевропейской группы языков во многом является результатом недоразумения: использующие эту теорию исследователи как бы не обращают внимания на то, что статья А. П. Рифтина аргументирована главным образом шумерским и древнесемитским материалом, а в качестве параллелей даны некоторые факты из палеоазиатских, монгольских и дальневосточных языков; индоевропейского языкового материала в статье нет совсем, и правомерность своих выводов для языков этой группы автор никак не доказывает.

Кроме того, говоря о «втором пути», автор не различает случаев, в которых глагольные имена перерастают в сказуемые придаточных предложений, никак не меняя своей формы, и случаи, в которых обороты с глагольными именами заменяются придаточными с личным глаголом в сказуемом. Поэтому он обосновывает свою теорию как материалами, например, глянцного языка, в котором глагольные имена непосредственно играют роль сказуемых придаточных предложений, так и материалами древнесемитских языков, в которых величю-глагольные обороты, по мнению автора, предшествовали образованию придаточных, а собственно придаточные предложения строятся только со спрягаемым глаголом⁴. Между тем дифференциация этих двух явлений совершенно необходима для решения вопроса о применимости указанной теории к индоевропейским языкам, так как в последних, как известно, глагольные имена непосредственно роли сказуемых в придаточных предложениях не играют, в связи с чем далеко не вся аргументация А. П. Рифтина оказывается лишней действительной.

Проверка теории двух путей развития сложного предложения на основе индоевропейского языкового материала очень важна еще и в связи с тем, что А. П. Рифтин в своей статье применительно ко всем эпохам и всем языкам оперирует одними и теми же категориями — «предложение», «простое предложение», «сложное предложение». В зависимости от эпохи и от языка эти категории могут по-разному взаимодействовать и сочетаться друг с другом, но в работе А. П. Рифтина содержание их всегда остается одним и тем же. Между тем анализ языкового материала показывает, что сами понятия

¹ См. А. Р и ф т и н, О двух путях развития сложного предложения в академическом языке, сб. «Советское языковедение», т. III, Л., 1937.

² См., например, Н. С. П о с п е л о в, О грамматической природе сложного предложения, сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950, стр. 327.

³ См., например, Л. П. Я к у б и н с к и й, История древнерусского языка, М., 1953, стр. 268.

⁴ См. А. Р и ф т и н, указ. соч., стр. 66.